

18+ Елена Александровна Асеева

Иное

Елена Александровна Асеева

Иное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50435699

ISBN 9785449817006

Аннотация

Всего только один неверный шаг, ошибка... Желание избавиться от надуманной проблемы и на главную героиню, Ольгу, наваливается настоящая беда. И теперь ей предстоит преодолеть тяжелейшие испытания, пройти «круги ада», и все это лишь для одной цели – вновь родиться!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Иное

Елена Александровна Асеева

*Окно, не дай увидеть хищных лиц,
прикройся занавеской, я прошу.
Оставь мне только верх, где стаи птиц
и небо, чтоб спросить, зачем дышу...
(« Окно», Владимир Сквер)*

© Елена Александровна Асеева, 2020

ISBN 978-5-4498-1700-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Уже давно солнце ушло на покой, вечер плавно перешел в ночь, и наступившая тьма съела все краски в комнате.

Наверно уже за полночь, а я продолжаю сидеть на широком кожаном кресле в своей двухкомнатной квартире....

Я продолжаю сидеть и тревожно обдумывать случившееся, вновь и вновь прокручивая в голове то, что со мной произошло, не в силах пережить это или хотя бы на миг забыть-ся...

Забыться, а значит отложить мысли на потом о твоём предательстве, о твоём уходе...

Мне все время хочется продолжить прерванный закрывшейся дверью разговор, и спросить, спросить тебя... тебя, такого дорогого мне человека: «Почему ты ушел? Почему покинул меня, решив прекратить со мной всякие отношения... прекратить нашу жизнь? И чем, чем она лучше меня? И как, как мне теперь жить, что делать?»

Делать... жить...

Как мне жить без тебя, как дышать, чувствовать...

Я не могу и не хочу быть без тебя...

Не хочу чувствовать... жить.... Не хочу дышать... Я не могу дышать... Я задыхаюсь...

Распухшее, разбухшее от боли и от моих слез сердце туго помещается у меня в груди и плюхая... плюхая, кровавыми

слезами, тяжело протяжно стучит, стонет.

Стучит, стонет, захлебывается от переполнивших его страданий и мук...

Я не могу и не хочу быть без тебя...

Ты... ты... ты... вся моя жизнь. Моя радость, моя горесть, мое счастье, мой трепет... моя любовь.

Любовь – единственная в этой жизни... Мне даже не нужны были дети, мне даже не хотелось их иметь потому, как без остатка я дарила любовь тебе, я посвящала всю себя тебе, мне хотелось быть лишь с тобой, чтобы никто и ничто не мешало нашему счастью... Счастьем любить тебя, прикасаться к твоим светло-русым волосам, нежно теребя их шелковистую легкость, целовать твои прикрытые тонкими полупрозрачными веками глаза, ощущать твои упругие, крепкие, точно налитые стальной мощью мышцы, вдыхать твой любимый и столь знакомый запах, дорогого сердцу мужчины – первого и единственного!

Но ты ушел...

Ушел...

Ушел...

Ты просто сказал: «Прощай! Между нами все кончено!» И ушел. Ты нашел другую, наверно моложе, красивее, умнее, лучше.

Без сомнения лучше... Разве может быть по-другому, ведь ты всегда искал для себя лучшей доли, любил самую красивую девушку, имел самую дорогую машину, ты всегда

желал нового... нового... иного и непременно лучшего.

А я... я осталась одна...

Одна в этой пустой двухкомнатной квартире, богато обставленной, теплой, уютной и такой тихой...

Тихой точно мертвой... Мертвой...

Ты ушел и унес отсюда не просто свои вещи в черном чемодане, торопливо волоча его по ламинату. Ты унес всякий звук из нее. Ты унес дыхание, смех, радость, жизнь...

Ты унес мою жизнь... Жизнь... Жизнь...

Жизнь... ха..ха..ха... на, что теперь она мне нужна, эта жизнь... Пустая, никчемная, никому ни нужная... В ней ничего не осталось... раз ушел ты... и я словно осиротела, опустела... Опустела моя душа, жизнь, квартира...

Ненавижу... ненавижу я эту жизнь и ту, что отняла тебя у меня... Отняла мою радость и счастье...

Теперь ничего не осталось, лишь это увеличившееся, обремененное болью сердце... нестерпимой... нестерпимой болью...

Не хочу жить... не хочу...

Я громко всхлипнула... и судорожно вздрогнули мои губы, крылья носа и болезненно на миг закрылись глаза...

Закрылись и перед ними полетели красные круги, мелкие, крупные... полетели и будто ударили в мой мозг, окатив его кровавым огнем, опалив его и сделав боль и вовсе непереносимой... а жизнь без исходно испорченной, разрушенной безвозвратно.

«Не могу... не могу я терпеть эту боль, – шепнули мои раскисшие, отекающие губы, и хрюкнул мой опухший нос. – Я задыхаюсь... задыхаюсь... А душа моя сейчас разорвется на мельчайшие крупинки и разлетится по этой комнате покрыв ее черноту ярчайшими красными каплями крови – страданий».

Ты ушел...

Ушел...

И я тоже хочу уйти... Уйти, исчезнуть, умереть, перестав существовать как человек, как личность.

На доли секунды мою наполненную мебелью комнату наполнил тихий вой такой, точно скулил брошенный в канаву полной воды щенок, уже отчаявшийся выплыть, потерявший надежду на выживание... Это выла, скулила я...

Я уже не могла плакать, так опухли мои глаза, уже не желала вытирать все еще выпрыгивающие из-под складок нижнего века каплевидные слезы, я теперь просто скулила... Скулила и молила того, кто создал, сотворил, вдохнул в меня жизнь, как можно скорее избавить меня от страданий, от этих выскакивающих соленых слез, от этого тихого воя.

Но – Он, тот кто даровал мне жизнь, кто несколько лет назад свел, столкнул меня и Андрея, кто позволил мне наслаждаться счастьем, свободой и любовью, меня не слышал. Он не желал прийти мне на выручку и избавить меня от страданий. Он не желал меня убить, растоптать, сломать мое тело, душу одним взмахом своей великой, могущественной руки.

Я впиалась пальцами в кожаную ручку кресла и услышала, как громко хрустнув, треснули, лопнули и разлетелись в разные стороны, утонув во мгле комнаты, мои длинные, ухоженные ногти. И тогда я вдруг закричала... громко, громко, переходя на хрип. Я закричала, и, сжав кулаки стала дубасить по полотну темно-коричневой, гладкой поверхности ручки кресла, стараясь излить на нее все свои мучения, боль... стараясь избавиться от непереносимых, разрывающих мою душу, и удушающих мое горло спазмов.

Еще и еще раз я крикнула... а потом позвала тебя... назвав по имени... выкрикнув его еще громче. В надежде, что ты ответишь... и что это просто страшный сон не более того...

Андрей!... Андрей!... Андрей!...

Я прокричала твоё имя и замолчала, замерла, перестав наносить удары по креслу. Я широко раскрыла рот, и, уставившись в эту крошечную тьму, в надежде, что услышу твой голос, твоё дыхание, скрип кровати, шелест двигающегося тела... но в комнате было тихо, и кроме изредка вырывающихся из меня истеричных, захлебывающихся возгласов ничего не было слышно.

Ни слышно, ни видно.

И тотчас ещё понятнее мне стало, что ты ушел, чтобы не возвращаться. Ты ушел навсегда, а я осталась одна и это значит должна жить без тебя...

Вставая рано утром, я должна видеть пустую кровать. Я

должна завтракать в пустой кухне и уходить на работу, а возвращаясь вечером домой, должна в одиночестве ужинать, и укладываться спать в ту же пустую, одинокую, холодную кровать...

«Нет, нет, нет! – стала шептать я и в наступившей пустоте, мой голос походил на предсмертную агонию. – Не хочу, не хочу возвращаться в эту пустоту, не хочу нести на своих плечах одиночество, не хочу жить без тебя!»

Я спустила босые ноги с кресла и поставила их на ковролин, который был жестким и ко всему прочему холодным, будто покрытым тонким слоем осыпавшегося с потолка инея...

Холодно... холодно было в комнате, это мельчайший, крупинчатый иней упал не только на ковролин, но он наверно покрыл и всю меня так, что в тот же миг у меня задрожали руки, ноги, а тело покрылось гусиной кожей. Мгновение спустя мне показалось, что по спине и вовсе провели обледенелой рукой, грубо так, жестоко... стараясь усугубить мое состояние и прибавить еще больших страданий измученной моей душе и телу.

Трясло... меня всю трясло, а вскоре застучали зубы, стараясь своим ритмом выбить чечетку.

И тогда мне вдруг захотелось согреться, может укрыться теплым, пуховым платком, косматым как козья шуба, что лежал в шкафу спальни... может выпить бокал вина, а может принять горячую ванну наполнив ее не только водой,

но и собственной кровью.

Я поднялась с кресла, и осторожно ступая ногами по ковровину, разведя широко руки так, чтобы в этой черноте не наткнуться головой или телом на, что-либо твердое и оставляющее боль и следы, направилась к выходу из комнаты.

Но меня, как оказалось не только трясло, меня покачивало из стороны в сторону, а потому еще даже не достигнув межкомнатной двери я несколько раз стукнулась левым плечом о стенку, что выпячивая свой деревянный, изящно облицованный стан стояла в комнате и хранила в себе остатки моей прежней, счастливой жизни. А потом, уже почти на выходе, я внезапно стукнулась головой о приоткрытую дверь, лбом, въехав им в ее торец, прямо в выставленный угол, нарочно оставленный в таком виде, чтобы причинить мне еще... еще боли... душевной и физической.

Душевной от каковой болит, разрываясь грудь и огромное, расколоченное сердце, физической от каковой разом загудела голова, и из глаз, еще толком не просохших мигмом брызнули и разлетелись слезы, покрывая своей сыростью и дверь, и влажную футболку, и похожее на подушку лицо.

Я не только заплакала, а вновь заскулила, засковчала... мне стало так себя жалко... так...

Не переносимо, не выносимо жалко такую... такую... никому не нужную, словно подержанную вещь, в которой у хозяина пропала нужда и теперь он оставил ее на свалке, по-

ложил в мусорный бак, перестав интересоваться ее судьбой, ее жизнью.

Не нужная старая рухлядь, вот кто я теперь была.... потрепанная, помятая, испорченная.

Я подняла руку, утерла слезы и выскочившие из носа сопли, а после протянув ее, ощупала лоб на поверхности которого появилась выпирающая вперед угловатая шишка с небольшим рассечением. Я погладила шишку, и еще раз подскулила вторя своим страданиям.

Злобно толкнув в сторону свою обидчицу дверь, я вышла в узкий коридор, и дотянувшись до выключателя щелкнула им. Но в трехрожковой люстре, что всегда ярко освещала прихожку, вспыхнула лишь одна лампочка, а две другие не желали давать света. Они перегорели, а быть может просто издевались надо мной, а может... может, они также, как и ты... ты – Андрей, предали меня, бросили и ушли.

Да... да... да... Почему бы и им не поступить так как поступил ты... Почему бы не предать, бросить... меня не нужную старую рухлядь.

Мне просто не надо жить, раз кругом все предатели, раз я не кому не нужна... мне тоже не нужно существовать на этой земле, в этой стране, городе, квартире...

Все... все – предатели...

А потому мне не хочется дышать, слышать, мне не хочется жить... Впрочем, жить мне и не надо... Не надо оставаться и продолжать свой жизненный путь в этом чуждом, злобном,

ненавистном мне мире, где самые дорогие и близкие... где даже двери и лампочки предают, бьют, перегорают.

От тех мучительно-болезненных переживаний... а может от удара о дверь... а может от очередного предательства лампочек... и всего того, что назойливо подталкивало меня к единственному выходу... я оглядела полутемную, мрачную и умершую прихожку и поняла... Нет смысла укрываться пуховым платком. Нет смысла пить крепленое вино. Нет смысла искать участия в горячей воде наполняющей ванну... Никто мне не поможет, не смерит мою боль и от этой безысходности, как говорится, не излечит даже время... чтобы остановить мое духовное терзание и прекратить эти муки нужно оборвать движение моей жизни...

Оборвать движение моей жизни...

Предав себя в руки смерти...

Смерть... лишь она одна может поставить жирную, поблескивающую кровавыми каплями точку, завершив и ход жизни, и дыхание плоти, и биение сердца, и духовные переживания...

Невыносимые... Невыносимые... Невыносимые...

Я вгляделась в сумрачный коридор, в котором зияли тьмой дверные проемы в спальню и кухню... а сам палевый, словно спина борзой собаки в белых мякинах пятен, линолеум как-то неестественно накренился, образовал пологий спуск к ванной комнате вроде, как направляя мою поступь и поддерживая мое желание умереть...

Умереть...

Умереть...

Именно – это и надо сделать, подскулив самой себе, согласилась я, и, миновав прихожку, открыла дверь ванной, переступила через порог и включила там свет, стукнув пальцами об выключатель.

Ярко вспыхнули, установленные по кругу, светильники ванной... вспыхнули и осветили каждый ее уголок, сияющую голубоватым бликом кафельную плитку на стенах и саму нежно- голубоватую, овальную ванну. Я сделала еще один шаг, ступив на резиновый, пористый коврик, неловко оперлась о его поверхность голой стопой. И тотчас скользнув в сторону, выгнула влево колено, и, проехав немного вперед, не удержав равновесия, упала на покосившийся коврик, болезненно ударившись и приземлившись прямо на ягодичицы.

От удара мое тело сотряслось, вздрогнули и руки, и ноги, а перед глазами замельтешили зеленоватые огоньки похожие на снежные мельчайшие крупинки, зубы мои мгновенно сомкнулись меж собой придавив язык и сейчас же перестав выбивать чечетку... Боль в ягодичах, и в прикушенном языке спровоцировала новый ливневый поток соленых слез хлынувших из моих глаз, и мне показалось, что они смешались с теми зеленоватыми крупинками снежинок и прыснули во все стороны, покрыв кругом пол зеленоватой изморозью.

«Холодно... холодно...», – зашептала я и высунула изо рта язык, стараясь кружившей вокруг меня моросью снять

болезненное его состояние.

Холодно... Обидно... Больно...

Словно все... все желало показать мне, что я не нужное, чужое существо... лишнее на этом свете, в этом мире.

Ощущая боль в языке и в ягодицах, трясущимися руками я оперлась о кафельную плитку, и съехавший на бок резиновый коврик и поднялась на ноги.

Осторожно, едва покачиваясь и более не утирая слезы, я шагнула к ванной, наклонилась над ней, протянула трясущуюся руку и закрыла крышечкой слив в ней. А потом правой рукой принялась открывать вентили крана. Сначала с горячею после с холодной водой.

Мягко заструилась прозрачно-голубоватая вода в ванну, и пока она набиралась туда, я выпрямилась, и, приоткрыв зеркальную дверцу шкафчика, что был укреплен над керамической раковиной, достала оттуда упаковку бритвенных лезвий. Они лежали там с давних времен, будто нарочно ждали этого дня. Много раз я порывалась их выкинуть, но каждый раз меня, что-то останавливало и велело положить их обратно, на прежнее место.

И теперь глядя на эту серебристую обертку, в которую они были упакованы, я криво усмехнулась... Усмехнулась... еще бы они столько ждали этого мгновения, последнего мига моей глупой, никчемной жизни. Теперь они выполняют свое истинное предназначение, даруют мне смерть и успокоение... прекратят такую бестолковую и, по сути, ни кому

не нужную жизнь.

Я захлопнула дверцу и уставилась в зеркальное полотно шкафа...

Уставилась, потому как внезапно увидела в этом серебристом отражающем свете чужую женщину. Чужое, опухшее, с огромными красными пятнами, по глади кожи, несчастное лицо... растекшиеся губы... оплывшие глаза, цвет которых невозможно было разглядеть так они поблекли, потеряли живость их краски, лишились жизненных соков и наверно умерли... засохли... погибли...

От былой красоты ничего не осталось.... ни серых, больших глаз, ни вздернутого, миниатюрного носика, ни красных, мягковато-пухлых губ. Казалось и удлинённые, загнутые ресницы все выпали, а тонкие, дугообразные брови утонули в красных выпирающих пятнах. Нет ни молочного цвета кожи, ни яркого румянца на щеках. Нет ничего, кроме опухшей уродливой маски и утопающих в ней тонких черт лица, ах! еще есть кровавое рассечение, на лбу, въевшееся в огромную угловатую шишку. И длинные, каштановые волосы, кое-как схваченные наверху заколкой крабиком.

Противно... мерзко смотреть на это чудище, подобие женщины.

Не мудрено, что Андрей меня бросил и ушел.

Ушел... ушел... ушел...

«Ты ушел... теперь уйду и я... уйду навсегда и прекратятся мои мучения, боль....навсегда», – громко сказала я, по-

следний раз глянув на свое отражение в зеркале.

Я положила бритвенные лезвия на край ванны, и полезла в ванну... Я даже не стала раздеваться... не желая тратить свои силы на это теперь бесполезное и не нужное занятие, какая в принципе разница голая ты будешь или одетая когда тебя найдут. Ты будешь мертва... мертва и тебе будет все безразлично... тебя более не будет мучить ни боль, ни мысли, ни желания, тебя просто не станет...

Переступив через край ванны я поставила ногу на ее дно, где уже плескалась горячеватая вода... горячеватая и только... нет никаких чувств, приятна она для тела или... нет никаких эмоций... Лишь простая констатация факта, что она горячая... словно душа моя от боли, от переживаний перестала чувствовать, ощущать этот мир и все, что в нем находится.

Я опустила в воду обе ноги, а затем уселась сама, оперлась спиной о поверхность акриловой ванны, и положила на ее край голову. Громко хрустнув сзади, развалилась на куски заколка крабик, распалась на части, нырнула в воду и утонула. А я даже не глянула на очередное предательство, лишь тяжело дрогнули мои губы, затрепетала моя грудь... и очень тихо пискнула я, так будто то, был и не мой стон-писк, а чей-то чужой.

Я лежала в ванне и ждала, когда она наполнится водой, а сама в это время смотрела на пузырящуюся футболку, желющую толи всплыть, толи как весенняя почка, набухнув,

раскрыться.

Я глядела на ее трикотажную материю, а сама вспоминала Андрея... его уход... большую двуспальную кровать, где так была счастлива и заплакав, заскулила, завывала сначала негромко, а после переходя на крик, вопль... Не в силах сдержать себя и в надежде, что этот вопль услышит он – Андрей... Услышит и придет, вернется... прекратив эти муки... муки... муки.

Вода уже дошла до груди, а я даже этого не заметила... не заметила как быстро наполнила она ванну. Я увидела, как она достигла края, удивленно глянула на нее и замолчала, а после подалась вперед, и, протянув руку, поспешно закрутила вентили на кране... сначала горячий потом холодный. Вода мгновенно замерла в носике крана, перестав вытекать... замерла... затихла ожидая моих дальнейших действий.

Все... все оцепенело кругом и ждало теперь моей смерти: и вода, и свет, и коврик, и дверь.

Я подалась вперед, протянула дрожащую руку, взяла упаковку, и, вернувшись в исходное состояние, снова оперлась спиной о стенку ванной да принялась раскрывать серебристую обертку, освобождая спрятавшиеся в ней острые бритвенные лезвия. Обертка тихо скрипнув, зашуршала и широко раскрыв свою пасть, показала мне хранимое внутри сокровище, пять бритвенных лезвий туго перетянутых в тонкую, точно шелковую прозрачную кальку. Придерживая ле-

вой рукой приоткрытую пачку, не спеша я достала одно лезвие, сдерживая трясущиеся пальцы и колыхающиеся мысли. И немедля кинула пачку к открытой настежь двери ванной. Затем я все также не торопливо развернула лезвие, взяв его двумя пальцами за середину. Прозрачная обертка-калька выскользнув из моих рук упала в воду, и намокнув устремилась вниз ко дну ванны, благоразумно миновав мою распухшую футболку.

Я держала в руках тонкое, стального цвета играющее и переливающееся лезвие... оно извивалось в моих пальцах, тихо звенело, прельщая меня своим звуком, цветом и однозначно решенными вопросами... а я на миг затихла, вслушиваясь в этот звук... на миг застыла, может испугавшись принятого мною решения.

И в наступившем мгновении внезапно услышала тишину... ощутила пустоту квартиры и моей души и тогда меня обожгло, распоролось надвое понимание того, что иного пути у меня нет. У меня вообще ничего нет... ни иного... ни будущего... ни настоящего... ничего... ничего... ничего...

Растрепавшиеся волосы, покрывающие мои плечи и стенки акриловой ванны, намокли. Часть их прилепилась к футболке, а часть беспомощно повисла в воде. Я посмотрела на их разветвленные концы, медленно переложила в пальцы левой руки лезвие, крепко его сжала в серединке, а потом глянула на свои хорошо видимые синие вены на правой руке, напоминающие чем-то русла рек. Выдохнула... и тут же

врезалась острым, злобным краем лезвия, в собственную кожу, стараясь попасть металлическим носом в саму вену... так, чтобы непременно разрезать ее вдоль движения крови... так, чтобы не осталось возможности спастись.

Резкая боль, полоснула мою измученную душу, обиженную плоть, но я терпела. Я сделала несколько разрезов прямо по пролеганию витиеватых вен, которые выпустили из себя густую, красную кровь.

На пару минут эта боль вытеснила душевную. Может от вида текущей по руке крови... Может потому, что тело мое согрелось... Может потому, что я прерывисто застонала и закусила губу, на лбу моем выступила испарина.

Пару секунд я глядела на эту кровь и чувствовала тихую радость, понимая, что скоро муки мои закончатся. Затем я взяла лезвие правыми пальцами, в оных пропала былая гибкость, а режущая, острая боль делала их совсем непослушными, чужими и принялась разрезать вену на левой руке, с трудом удерживая лезвие и надавливая им на кожу. Кожа на левом запястье хоть и туго, но все же подалась острию лезвия, разорвалась надвое. Лезвие воткнулось в вену, и, оттуда выплеснулась кровавая река. И тогда пальцы мои дрогнули, лезвие сыграло в бок, издав высокий, резкий звук, и выскочив из моих пальцев упало на желтую, набухшую в воде трикотажную футболку.

А я ухмыльнулась... ухмыльнулась... подумав, что и лезвие также предательски поступило, не завершив свой путь,

дрогнув, улетев, предав меня.... в очередной раз.

Только теперь я не заплакала... в этот раз не заскулила...

Глаза мои просохли... душа окаменела, губы приоткрылись выдыхая, ставший, каким-то, тягучим воздух... а глаза сомкнулись ощущая сильную физическую боль и не приятное тепловатое, живительное начало вытекающее из вен, минующее руки и утопающее в глубине хрустальных вод.

Я опустила руки в воду и ее горячеватость обожгла порезы... обожгла раны на моих руках... обожгла мою плоть... мою умирающую душу...

А в черной мгле, что поплыл перед мои глазами увидела я в последний раз твои зелено-серые очи с мелкими прожилками шоколада, почувствовала на своих губах твои сладкие, полноватые уста... обняла твою статную, крепкую налитую мышцами фигуру и представила тебя с ней... там далеко.

Ты ушел... ушел, чтобы не когда не возвращаться....

Все слова сказаны, вещи собраны...

Ты ушел...

Зелено-серые глаза твои внезапно распались на крошево маленьких зеленых и серых клеточек, молекул и заметались перед моими очами...

Ты ушел... и я тоже уйду....

Уйду, чтобы не возвращаться...

Исчезну... испарюсь... распадусь на молекулы, атомы... и вместе с этими атомами распадутся мои боли, тревоги, мучения, страдания...

Глава вторая

Наверно меня сморил сон... разомлевшее в горячей воде тело провалилось в глубокую бездонную пропасть... черную... черную с едва заметными зелеными и серыми маленькими, а вернее микроскопичными молекулами, проскакивающими мимо глаз.. Потеря крови, мучающая душу и плоть боль вызвали это... а быть может это просто отклики прошлого, прожитого, пройденного.

Я уснула... нет! наверно все же умерла!

Однако внезапно мелькающие во тьме, перед очами, молекулы исчезли, я открыла глаза и увидела, что нахожусь уже не в своей квартире, не в ванной комнате и не в горячей воде наполняющей акриловую ванну.... Теперь я стояла на ногах, тесно прижав руки к телу.

Странно... но я и впрямь стояла, точно на школьной линейке, держа вдоль тела руки... С моих вещей, растрепанных волос стекала ручьями... потоками вода, казалось я только, что вынырнула из глубин морских, вынырнула и глубоко вздохнула, ощутив своим носом какой-то чужой, неприятный... резкий запах. Запах гниющего навоза или листвы... а может вместе и навоза и листвы... подопревшего, смердящего.

Однако вода текла не только по вещам, и волосам, она также струилась и по лицу, рукам, и даже стекала с голых

стоп.

Я подняла свои повисшие руки и глянула на запястья. Глубокие, развернувшиеся, раскрывшиеся вроде лепестков розы порезы оставленные лезвием обильно кровоточили, а вытекающая из ран кровь покрывала своими кровавыми струями кожу ладоней, пальцы, и, срываясь с их подушечек, улетела куда-то вниз, приземляясь возле моих стоп. Некоторое время я безмолвно смотрела на эту кровь, и, поморщившись, от острой боли на месте порезов, огляделась кругом... не очень-то понимая, где я нахожусь.

Прямо передо мной была широкая межкомнатная дверь с большим узорчатым, рельефным стеклом, точно обсыпанным мельчайшими щербинками, трещинками, в самом центре этого стекла находилась громадная красная роза, искусно нарисованная, с тончайшим стебельком и овальными покрытыми едва видимыми зазубринами листом. Подавшись вперед, я уткнулась лицом в поверхность стекла, и посмотрела сквозь него. И увидела прямо за дверью какой-то коридор и движущихся вправо и влево, быстро да бодро ступающих людей.

Совсем немного я напрягала зрение, щурила глаза, стараясь разобрать и понять: где же я нахожусь, и кто там идет? ... Но рельефное полотно стекла было так мелко изрезано трещинками, что кроме еле видимых силуэтов мне ничего не удалось разобрать.

И тогда я принялась рассматривать то место, где была

в данный час...

Позади меня, справа и слева находились побеленные или покрашенные в белый цвет стены, под ногами у меня был простой, плохо обтесанный дощатый пол палевого цвета, какой-то изжелта-белесый, а вместо потолка уходящая ввысь серебристая, гладкая труба огромного диаметра... просто огромного.

Что это за труба? Что за комната? Как я здесь оказалась? Мгновенно пронеслись эти мысли в моей голове, покуда я, переступая с ноги на ногу, разглядывала словно зеркальные стены трубы.

Наверно я сплю, предположила я... Сплю...

Но подняв правую руку, чтобы утереть струящиеся со лба и затекающие в глаза и рот капли воды, я вновь увидела расхлябанные ошметки кожи, текущую кровь, и, ощутив острую боль в обеих руках громко охнула!... Охнула и этот звук улетел в бесконечную пасть трубы да отозвался там тихим эхом. И я поняла, что не сплю, уж так было больно...

Больно... было очень больно... И почему-то болели не только руки, но шишка на голове, и прикушенный язык и грудь... вернее то самое место где находится сердце и душа... Душа... Душа, моя также болела... муки по поводу ухода Андрея не испарились, не исчезли... они продолжали терзать меня.

Однако я смогла отвлечь себя от мысли об Андрее, о его предательстве и уходе, задав себе вопрос... простой вопрос:

«Где же... где же все-таки я нахожусь? И что со мной произошло?»

Я подняла, свербящие болью руки, протянула их вперёд и принялась ощупывать стены, которые были и впрямь окрашены, верно, я угадала. Они были окрашены в белый цвет и покрыты тонким слоем морозной паутины, что струится покрывая деревья в морозные, зимние дни, и леденит души и тела людские. А потому и эти стены были леденяще холодными... холодными, как впрочем и палевый пол, так что стекающая с меня вода, попадая на него и смешиваясь с моей кровью, образуя тут же небольшую лужицу, и замерзла, превращаясь в хрупкий ледок, который ломался, крошился лишь от одного нажатия на него большим пальцем ноги.

И как-то сразу мне стало не по себе. Особенно после того, как коснувшись этих белых паутинок на стене кровавым пальцем, я окрасила их в красный цвет и почувствовала, будто дуновение ледяного дыхания...

Холодно... холодно... холодно...

Тихо постанывая от боли и мороза, что обжигал мои стопы, я принялась переступить с ноги на ногу, а руками попыталась найти дверную ручку, чтобы открыв дверь выйти из этого холодильника. Но ничего так и не нашарив на двери, я отступила назад. Мои мокрые, растрепанные волосы едва не коснулись стены, такое это было на самом деле небольшое помещение. Однако отступив назад, и, склонив голову, я смогла разглядеть, что на деревянном каркасе двери нет

ручки, лишь стекло, которое заполняло его большую часть.

Я прислонила свои руки к стеклу, тоже довольно холодно-му и надавила на дверь, но она не подалась, она даже не дрогнула, по-видимому, крепка была замкнута... Крепко...

Холодно...

Холодно... уж очень холодно было в этом помещении и каждая минутка, проведенная в нем, все более и более становилась мучительной... тягостной и переходящей на чечетку, каковую выбивали не только ноги, но и зубы. Еще и еще раз я надавила руками на стекло, и одновременно надавила коленом на деревянный каркас двери, в которое было вставлено стекло... но дверь не желала мне уступить, не хотела открыться.

Тогда я начала не сильно стучать по стеклу костяшками сомкнутых пальцев, стараясь обратить на себя внимание тех людей, что торопливо проходили за дверью, в надежде, что мой барабанный бой услышат и придут на помощь, освободят и все... все... все объяснят.

И хотя я стучала очень громко и нужно быть просто глухим, чтобы не услышать этот тарабан, а сам звук отзывался в моей голове и гулким эхом откликался из трубы, но никто не приходил ко мне на помощь. Люди продолжали идти мимо и казалось мне, даже не поворачивали головы, вроде как не слыша меня. Разозлившись и на этих глухих людей, и на того, кто меня здесь замуровал, в этой ледяной комнатке, я принялась наносить удары по стеклу ладонями обеих

рук. Но от этих ударов еще сильнее, безжалостнее разболелись руки, а кровь принялась выплескиваться из разрезов, и обильно разлетаясь опускаться на джинсы, стены, дверь и пол, будто пребывающая во время шторма морская волна, выкатывающаяся на берег. Стекающая с моего тела вода казалась рождаемая моей кожей также разлеталась, попадала на стены, и тотчас превращалась в каплевидные сосульки. А потому я благоразумно решила остановиться...

Ведь если не удалось умереть... надо выяснить где я нахожусь. Ну, а если я все же умерла... Умерла, так стоит ли расплескивать кровь... может она тоже еще пригодится.

Оцепенев на месте на несколько минут, я задумалась над тем, что только, что произнесла и оглянулась...

Где я?... Что со мной?... Жива я или умерла?...

Умерла... Если я умерла, то почему чувствую боль физическую и духовную, вижу кровь, ощущая руки, ноги, мокрые вещи... почему дышу... Сердце... Внезапно вспомнила я про источник жизни сердце и поспешно подняв руку прислонила ее к груди и затихла на миг.... Затихла... мое дыхание сорвалось, тело вздрогнуло... вздрогнуло... но стука сердца я не услышала... Нет! наверно просто не разобрала... переволновалась... вздрогнула...

Я без сомнения жива. Жива, а тогда где же я нахожусь, и почему не реагируют на мой стук. Не слышат или не хотят слышать?... Может, стоит покричать?...

И тогда я вновь застучала по стеклу костяшками пальцев

и стала вторить громким голосом: «Алло! Вы меня слышите? Я здесь... позовите старшего или откройте дверь... Тут очень холодно... Я замерзла... Алло!»

Однако, как и прежде никто не откликнулся ни на мой стук, ни на мой зов.

А кровь из ран продолжала вытекать все сильнее и сильнее... и я подумала, чего в принципе я так раскричалась, растарабанилась... я же не хочу жить, хочу умереть. Ведь тот ради которого я жила, которого так беззаветно любила ушел, предал меня. И подумав вот так, я решила, что надо закончить начатое мной, а именно убить себя. Поэтому я опустилась на пол, села, на его покрытую розовой, ледяной коркой поверхность, прислонилась спиной к стене, закрыла глаза и собралась умереть.

Не знаю сколько я так просидела, наверно совсем чуть-чуть, может несколько минут, а может и того меньше. Вначале у меня застучали зубы, потом затряслись руки, ноги, и тяжело содрогнулось тело. Уж так было холодно... очень, очень холодно... И хотя я совсем не желала жить и подниматься, но как говорится: «Хочется, да не можется», а потому я вскочила поспешно на ноги. Подпрыгнула вверх пару раз надеясь таким образом согреться, но не получив ожидаемого, стала торопливо снимать с себя футболку. Затем, когда она оказалась в моих руках, я оглядела посиневшее, трясущееся тело, из кожи которого не прекращала исторгаться вода покрывающая тело и превращающаяся в голубоватые,

стеклянные градинки. И тотчас непослушными, плохо гнущимися с синеватыми подушечками пальцами начала отрывать рукава от футболки... сначала правый, после левый... А оторвав их, засунула в рот и продолжая подсигивать на месте, едва касаясь ледяной поверхности пола жесткими, деревянными стопами, резво натянула на себя мокрую футболку, вытащила изо рта один рукав и принялась осторожно разрывать его на части так, чтобы сделать из него, что-то наподобие длинной ленты, коей я бы смогла обмотать руки и остановить кровотечение.

Сколько я так провозилась с одним рукавом, потом с другим не знаю... Потому, как рукава, словно назло, поначалу совсем не хотелось рваться, а когда все-таки обильно смоченные кровью и водой уступили моему трясущемуся натиску, всяк раз норовили порваться не так как мне хотелось, то слишком узко, то слишком широко. Однако все же я смогла превратить рукава в ленту, а после принялась перебинтовывать свои руки, при этом не прекращая переминаться с ноги на ногу, стучать зубами, стонать и охать!... Уж так было холодно...

Теперь уже и руки приобрели синеватый оттенок, а кожа на них была усыпана пупырышками, больше похожими на волдыри после ожога, от постоянно стучавших друг об дружку зубов заболела нижняя челюсть и ее стало как-то странно клонить на бок, точно выворачивать.

Околела... околела... околела я... Нет! непременно на-

до отсюда выбираться, уж раз не удалось умереть, то обязательно стоит вырваться из этой морозильной камеры, выйти в коридор, прояснить для себя все... а затем уже решать, что дальше делать.

«Что делать?... – злобно усмехнувшись заметила я. – Стоит умереть вот, что надо делать... Только не в этой холодной комнате... Не здесь... А там и потом».

На миг я прекратила думать и говорить, и, схватив зубами один конец ленты, крепко на крепко завязала узел на левой руке, а после принялась перевязывать правую руку также как и в случае с левой помогая себе зубами... Все еще тихо постанывая, морща свой лоб и оледеневшие губы от боли и холода, мысленно обращаясь неизвестно к кому... может к творцу, а может к тому, кто меня сюда бросил, я спросила: «А вообще-то жива я или нет?» Потому как не могла членораздельно и утвердительно сама ответить на этот вопрос.

И хотя этот вопрос был произнесен очень внятно, хотя и мысленно, но мне как всегда не пришло никакого ответа, из чего я заключила, что Бога нет, а я в этом и не сомневалась... так вот Бога нет, а я наверно все же жива.

Когда, наконец-то, я перебинтовала правую руку, и завязала на ней узел, хотя он вышел, намного хуже чем на левой, я окончательно постановила для себя, что обязана выйти отсюда любым способом. И тогда я начала плечом, по коже какой-то теперь струилась легкая бахрама трикотажной футболки, топорщащаяся в разные стороны, наносить ярост-

ные удары в стекло, в надежде всей массой своего тела все же сдвинуть, спихнуть эту противную дверь, отделяющую меня от людей. Спервоначала я ударяла всем своим корпусом так... не очень сильно, предполагая, что мои удары услышат и придут помочь. Но так как никто не приходил на помощь, и дверь не желала отворяться я стала наваливаться на нее сильнее, прилагая всю свою мощь. Толкая ее и плечом, и руками, и даже пиная ее ногой.

Некоторое время спустя, перемешивая толчки и пинки, немного согревшись от производимых мною движений, я наконец-то увидела, что дверь покачнулось. Совсем чуть-чуть, верно решив уступить мне. Это едва видимое покачивание и тихий скрежет придали мне уверенности, и я с удвоенной силой стала набрасываться на дверь. Сделав шаг назад, я подпрыгивала, толкала ее как бы с налета. И от очередного такого на нее прыжка, дверь вдруг хрястнула, и мгновенно раскрылась... широко... настежь... ударившись стеклом об стену коридора. Открыв передо мной этот неизведанный, иной коридор по которому вправо и влево шли люди...

Я поспешно шагнула к порогу двери, и, выставив голову вперед, выглянула из-за дверного косяка.

Глава третья

Эх, опять я оказалась права, передо мной пролегал длиннющий коридор... такой длиннющий, что даже не было видно ни конца, ни края его...

В коридоре по сравнению с той комнатой в которой я находилась было тепло, а потому недолго думая я переступила через порог и вышла в то новое... иное помещение.

Прямо передо мной шли люди... вернее люди шли в два ряда – одни справа налево, а другие слева направо. Я же вышла в ряд, который двигался слева направо, и остановилась, всего лишь на несколько секунд прервав их движение, и рассматривая людей, шедших им навстречу. И увидела каких-то, скажем честно, странных людей... очень странных. С виду они были обычными, такими же как я, да только в них было, что-то иное... что делало их другими, не похожими на обычных людей... непривлекательными или проще говоря уродливыми.

Еще недолго я всматривалась в их лица, тела, одежду, разглядывая их руки, ноги... и немного погодя догадалась, что передо мной мертвые люди... в смысле покончившие жизнь самоубийством...

Вот миновал меня мужчина... Он даже не повернул головы в мою сторону, не бросил взгляда, словно торопился, спешил куда-то, а я обратила внимание, что его черные,

волнистые волосы неестественно взъерошены, взлохмачены, и лежат точно помятая, поломанная солома, вроде как многократно потоптанная. Из левого виска, в котором виднелась небольшая круглая дырочка, вытекала тонкой струйкой кровь, с красноватыми сукровичными кусочками. Эта похожая на желе масса медленно стекала прямо по краю щеки, и, минуя подбородок, обильно покрывала своим неприятным на вид веществом короткую, смугловатую шею. Мужчина очень оживленно разговаривал сам собой во время ходьбы, вроде, как доказывая себе, что-то, затем он резко обрывал себя на полуслове, громко вскрикивал, махал руками, утирал ладонями лицо и жутко хохотал, издавая протяжные совиные уханья. На секунду он замедлял шаг, а потом резко ударив тыльной стороной ладони себя по губам, горестно всхлипывал и сейчас же ускорял свое движение. Он был одет в черный, деловой костюм, пиджак которого небрежно застегнутый лишь на одну пуговицу, нес на себе остатки какой-то шелухи, оборванных веток, листочков и крупинок земли, а голубоватая рубашка и вовсе лишенная пуговиц, постоянно топорщилась и суетливо вылезала, выглядывала из-под ворота пиджака. Нежно-голубой в узкую полоску галстук висел прямо на голой груди. И когда мужчина ударял себя по губам, то сейчас же хватался рукой за тупой кончик галстука и начинал его тянуть вперед, словно стараясь сорвать с себя. А со стороны казалось, что галстук душит его и не дает возможности свободно дышать.

Следом за мужчиной шла молодая, красивая девушка... очень юная... почти девочка... Она была голая... даже грудь ее ничем ни была прикрыта, ее нежно-розоватая кожа отливала сероватым цветом, точно она при жизни чем-то тяжело болела, и также как и с меня, с девушки сочилась вода. Она выступала прямо из кожи, и из ее коротко стриженных крашенных, в серо-зеленый цвет, волос, и, стекая с них, минуя лицо, грудь, ноги стремилась прямо к полу коридора. У девушки запястья рук хранили большие, кровавые порезы, сильно кровоточащие, а на локтевом сгибе виднелась синевато-черная кожа, словно от многократных инъекций. Девушка была какая-то поникшая и молчаливая. Она шла, ссутулившись, выгнув спину дугой, и даже руки несла будто плети, которые мотались из стороны в сторону расплескивая кругом кровь и воду. А лицо ее, измождено-худое, со впалыми щеками было таким... таким обреченно несчастным, не имеющим никакой надежды на лучшую долю. И еще, из ее больших, близко-посаженных, карих глаз вытекали крупные слезы тут же перемешивающиеся с водой.

– Ну, чё, – услышала я слева чей-то грубый, немного приглушенный голос. – И долго мы так будем стоять? Мешать движению и разглядывать идущих?

Я резко повернула голову на источник этого звука и громко вскрикнув, отскочила назад. Намереваясь, вернуться в ту комнатку, из оной только, что выбралась, в ужас оглядывая мужчину, который со мной заговорил, и, ощупывая стену по-

зади себя...

Мужчина был кошмарен, ему только в фильме ужасов сниматься... Уж так он отвратительно выглядел... Это был очень высокий, атлетического сложения человек, с широкими, накаченными плечами и узким тазом, одетый в какие-то трикотажные темные штаны (на вроде трико), черные носки и в красно-коричневую футболку. Но ужасен он был не одеждой, а тем, что у него отсутствовала половина головы, а именно ее верхняя часть. До прямых, точно горизонтальных, негустых бровей можно было разглядеть и крупные, с приподнятыми уголками глаза серо-карего цвета и длинный с заостренным, загнутым кончиком нос, с узкими ноздрями, говорившими о том, что передо мной человек с железным, волевым характером, и широкие плотные губы с едва выпирающей вперед тяжелой нижней губой, словно выражающей недовольство или затаенную обиду, и какой-то кривой, обрубленный подбородок...

Все это я смогла разглядеть...

Ну, а там... выше бровей, ничего не было. Вернее там находилась огромная дыра, будто котловина с рваными краями кожи, наполовину сломанными кривыми кусками костей... словом с наполовину снесенным черепом и развалившимся на несколько мелких частей кроваво-алым мозгом плавающим внутри этого красного бульона. Казалось верхушку головы у мужчины вырвали, прямо-таки выдрали и не просто верхушку вместе с затылком и темечком, а прихватив еще

и кусок лба. Куски плоти, мозга и покрытых кровью остатков волос облепили голову со всех сторон так, что было непонятно, есть ли у мужчины уши, или они тоже отсутствуют. Обильно текущая кровь из этой дыры, все время заливала ему глаза, нос, щеки, затекала в рот, сочилась вниз, а потому и шея, и футболка и даже покрытые густыми волосами руки мужчины, были напитаны ею и даже вроде как сменили цвет.

– Чё, рот раззявила, – сердито сказал мужчина и махнул головой вперед при этом внутри его раскрытой башки, словно в кастрюле, поставленной на плиту подскочив, плюхнулись его мозги в кроваво-алом бульоне. – Давай, шагай... Нечего народ сдерживать.

– Проходите, – пролепетала я, испуганно глядя на выпрыгивающий бульон и вжалась в стену, не понимая, почему никак не могу нащупать проход в помещение.

– Нет, дорогушечка, пройти я не могу. Только за тобой следом... Видишь тут больно тесно, не разойтись нам, – продолжил он все тем же выныривающим из глубин булькающего бульона голосом. – Чё... дура... стоишь глаза вытаращила... Не поняла, чё ли, шагать ты должна, – уже совсем по злomu крикнул он и уголки его губ опустились вниз так, что лицо его мгновенно стало жутким и страшным.

Увидев эту чудовищную голову, эти изогнувшиеся губы и заливаемые кровью глаза, я испугалась еще сильнее, вздрогнула всем телом и принялась оглядываться в поисках двери, и комнаты. Однако не позади меня, ни с правого, ни

с левого бока не было ни комнаты, ни той самой стеклянной двери.

Мужчина, увидев мой перепуганный взгляд и бесполезные поиски чего-то, тотчас шагнул ко мне, и, протянув навстречу свою огромную кровавую руку, пребольно схватил меня за мокрые волосы так, что я от неожиданности вскрикнула. И все в той же грубой форме оттянул от стены, и, поставив перед собой, пнул меня прямо в мой маленький, мокрый зад.

– Ах! – воскликнула я и хотела было возмутиться этому хамству и этой грубости, да, пролетев, а вернее пробежав несколько шагов вперед и резко остановившись, обернулась.

Но стоило мне обернуться, как я увидела приближающегося ко мне и злобно кривящегося, без остановки утирающего лицо от крови, половинчатого мужчину, из-за спины его выглядывала, с не менее злобным лицом, женщина со свернутой, покосившейся на бок головой цвета переспелой сливы.

И тогда я, чтобы ни в коем случае не получить очередного, очень даже болезненного пинка от него, а может и от нее... быстро... быстро побежала вперед, в надежде убежать от этих мрачных, злобных и уродливых самоубийц. Убежать и непременно найти здесь старшего... главного... чтобы все выяснить и пожаловаться ему на творимые бесчинства.

Я бежала очень резво, громко топая босыми ногами по по-

лу, успевая замечать лишь мелькающие искореженные болью и страхом лица людей, идущих мне навстречу. Однако пробежав совсем немного, я была вынуждена остановиться, потому что догнала идущих впереди меня людей, в частности какого-то распухшего старика, одетого в непривлекательные, серые лохмотья с которого обильно стекала вода на пол, просачиваясь сквозь вещи и кожу его тела. Он шел, тяжело и неуклюже ступая своими полноватыми, короткими ногами, судорожно вздрагивал всем телом и покачивался из стороны в сторону. Волос на голове у старика почти не было, а из этой вспухшей сероватой поверхности, гладкой и, точно налитой изнутри водой выглядывали коренастые, зеленоватые ости растения на оные было, очень даже, противно смотреть. А все потому, что и голова, и ости напоминали степь с поднимающимися из-под земли ростками ковыля.

Когда я с бега перешла на шаг, то старик, наверно услышав мое громкое шлепанье босых ног по полу или порывистое дыхание, повернул голову и презрительно посмотрел на меня, окинув взглядом с головы до ног. А я увидела его опухшее сине-красное лицо пропойцы-утопленника, покрытое тиной, ряской, местами объеденное раками или рыбой с глубокими порезами и выемками.

Однако стоило мне выровнять свой шаг в ряду, следуя за стариком, как сзади послышался плюхающий топот множества ног. Сейчас же оглянувшись, я увидела, что это, оказывается, догнал меня тот самый с половинчатой головой

мужчина, и остальные люди, чьи головы при быстром беге иногда выглядывали из-под разорванной головы самоубийцы. Когда мужчина резко остановился возле меня, перейдя на шаг и чуть было, не плеснув на меня своим кровавым бульоном, я, не снижая быстроты хода, глянула на него и дрожащим голосом спросила:

– Что вам надо от меня?

– От тебя, дурочка, мне ничего не надо, – ухмыльнувшись, ответил он и утёр кровь на лице, смахнув рукой вниз их кровавый поток. – Мне вообще ничего не надо... Только бы поскорее отсюда слинять, да не видеть таких, как ты психопаток, которые вскрывают себе вены или, – и мужчина кивнул головой назад так, что мозги внутри его головы вспенились, точно намереваясь закипеть. – Или вешаются... Дуры психованные – одно слово...

– А сам-то... сам..., – не менее злорадно ответила я и скривила свои мягкие, пухлые губки, выражая тем самым презрение, при этом ни на миг, не прекращая идти. – Полбашки себе снес... умник такой.

– Да я... да я..., – начал, было, мужчина, и, сжав огромный кулак, поднес его к моему носу, отчего я боязливо подпрыгнула вверх, испугавшись, что, сейчас, он обрушит эту махину на мою голову и превратит ее во, что-то схожее со своей.

А потому я предусмотрительно замолчала, и поспешно шагнув вперед, случайно наскочила на старика, ударившись

грудью о его хлюпающую, изогнутую, словно горбатую спину.

– Чего прешь, – гневно выкрикнул старик, развернув в мою сторону распухшее лицо и злобно глянул на меня маленькими, наполовину прикрытыми и какими-то мутными, сонными, неопределенного цвета глазками.

– Простите, – глубоко вздохнув, очень тихо произнесла я, страшась, что теперь однозначно нарвалась на неприятности и если не половинчатый мужик, то этот старик непременно меня поколотит. Потому я улыбнулась, да понизив голос так, чтобы расположить к себе старика, добавила, – я не хотела, это вышло не нарочно.

– Нарочно... не нарочно, – повторил сиплым голосом старик, и, подняв руку, ковырнул синевато-черным ногтем прямо из рваного углубления щеки ветвистую, зеленоватую веточку водоросли сверху покрытую тиной. – Под ноги глядеть надо, и не тарашиться по сторонам... а то знаешь так и схлопотать можно.

Я благоразумно опустила глаза и уставилась, как и велел старик себе под ноги, понимая главное, что схлопотать я и верно могу, а вот пожаловаться в этом непонятном коридоре, с идущими людьми пока не кому. Может и есть кому, но я пока этого «кому» не увидела, а потому затаив внутри себя страх, обиду и желания увидеть старшего, пошла следом за стариком, слушая тихий плач, резкие выкрики, бред и шептания следующих мимо меня самоубийц.

Я смотрела себе под ноги, разглядывая этот необычный коридор в котором пол, был сложен из гладких досок, и покрашен в кофейный цвет только на один раз и судя по всему очень... очень давно. Поэтому краска сохранила свой цвет лишь по углам коридора как раз на стыке пола и стены. Там же где шли самоубийцы пол имел серовато-коричневый цвет и, казалось, был даже немного вдавлен вниз, будто несчетное множество раз проходя по одному и тому же месту люди сняли не только слой краски, но и верхний слой древесины, протоптав нечто вроде неширокой тропы.

Некоторое время спустя, когда я уже немного оправилась от страха и все того, что со мной произошло, и четко соблюдая дистанцию между мной и стариком утопленником, наконец-то оторвала взгляд от босых своих стоп, то принялась разглядывать стены коридора и потолок. В высоту коридор достигал, где-то два с половиной метра... может быть немного меньше. Стены и потолок в нем были побелены, но также как и пол, они были побелены весьма давно. А потому от долгого срока службы побелка во многих местах стала пузыриться, выгибаться, отставать от поверхности стены. Кое-где она и вовсе отпала, так, что показывала светло-бурую глиняно-травяную внутренность, с тонкими вкраплениями, прожилками сухих трав, остовов камыша и нешироких деревянных реек. Потолок и стены, особенно углы, были покрыты слоем синей плесени, отчего в коридоре стоял труднопереносимый запах не просыхающей, гниющей древесины.

В целом вид коридора был безобразным... безобразно-порухенным, никогда не ремонтируемым с момента рождения. Однако, несмотря на этот запах, внешний вид... несмотря на отсутствие лампочек, светильников в коридоре было довольно светло, конечно не так как это бывает от солнечного света, которое входя в комнату освещает любой спрятавшийся предмет, любой потайной уголок, любую пылинку неосторожно опустившуюся на край мебели, а такой какой бывает, когда солнце направилось на покой, и достигнув окраины земли, притушила все цвета и оставило лишь серый полумрак.

Как я уже заметила раньше, в коридоре было тепло, но от постоянного движения по моему телу воды, которая просачиваясь через кожу, напитывала собой и волосы, и вещи мне все время было сыро, а иногда меня начинало знобить, порой даже судорожно передергивая мышцы тела.

В целом... в этом коридоре было жутко, мокро, противно... И хуже всего то, что приходилось глядеть либо на эти жалкие, разваливающиеся от времени и сырости стены. Либо на не менее жалкие, безумные лица людей, каковые так глупо и бездарно закончили свои жизни суицидом. И теперь шли или в моем ряду или в том, что шел мне навстречу, почти касаясь меня левым плечом и рукой.

Конечно, теперь мне не надо было ничего объяснять, я и так поняла...

То чего я добивалась в ванной, разрезая на своих руках

вены, и выпуская кровь... случилось!

Я умерла!

Умерла... убив себя, уничтожив свою физическую плоть, но не уничтожив свою душу... и теперь я находилась в движущемся потоке таких же как и я – самоубийц!!!

Утопившихся... Удушившихся... Отравившихся... Вскрывших вены... Спрыгнувших с высоты... Сгоревших... Убивших себя при помощи огнестрельного оружия...

Опухших сине-зеленоватого цвета; с вывернутой головой; с текущей из разрезов и ран кровью; переломанных; кривых с вывернутыми руками и ногами и выглядывающими костями; черных как головешка и обуглившихся от коих в разные стороны струился сероватый дымок.... уродов... ужасных, пугающих уродов....

Я шла вместе с ними куда-то вперед по коридору. Я глядела на их кошмарные лица, вывалившиеся глаза, текущую кровь и не понимала, куда мы движемся и зачем?... Но спросить об этом ни у кого не решалась, так как и передо мной, и позади меня шли слишком злобные самоубийцы, от которых можно было и схлопотать, а потому я молчала... Молчала и надеялась, что вскоре все прояснится или быть может я увижу старшего.

А пока я вот так шла... шла... смотрела... смотрела и думала... и думала о том, как все-таки не разумно прервала свою жизнь... вернее глупо... глупо и бестолково...

И ведь в принципе можно было уж как-нибудь и потер-

петь, как-нибудь закусив губы пережить ту страшную ночь и предательство, уход Андрея.

Андрея... И как-то имя его и любовь к нему опустились на дно моей души... опустились и скрылись, застыли, по-видимому на какой-то срок, чтобы пока не мучить, не истязать меня, ни намеками, ни болью, ни тревогой.

А я... я, как оказалось, выжившая после смерти и хранящая в себе и воспоминания своей жизни, и чувства, и радость, и ненависть... теперь была вынуждена идти по этому коридору и терзать себя тем, что выход из той ситуации я нашла неверный. Что мучения мои не прекратились, и, душа моя осталась живой, а переживания и боль не испарились, не иссякли, они превратились в иные, другие муки и страдания. В какой-то бесконечный неторопливый ход в мокром, жалком состоянии, постоянно испытывая страх, что будешь бита, обижена без всякой надежды на справедливость и заступничество.

«Как-то непонятно, невнятно все это произошло», – шептали мои губы, а язык облизывал стекающую с них воду и отправлял, эту отдающую кровяным привкусом, жидкость, вовнутрь рта порывисто сглатывая.

Как... как теперь это исправить, изменить. Я шла обдумывая случившееся со мной, горестно вздыхала, утирала воду с сырого, хлипкого словно лужа лица, и чувствовала, что боль от потери Андрея сменилась теперь на еще худшую боль... боль, что я так бездумно закончила свою жизнь в той

пустой, хорошо меблированной квартире, в многоэтажном доме, на Евразийском континенте, на великой планете Земля. И даже вера моя в то, что нет Бога и нет жизни после смерти, теперь мне не помогали... казалось, что этот мой атеизм громко так смеялся надо мной и даже вроде как показывал язык.

Ах! нет! языки мне иногда показывали проходящие мимо женщины в основном те, кто отравился, сохранив своей естественный вид и лишь немного изменив цвет кожи.

И теперь я почти старалась не вспоминать про Андрея, про его уход... предательство... такую далекую... далекую измену... все это было не страшным... пугала меня лишь эта коридорная, бесправная безысходность, что пролегла сейчас передо мной.

Однако иногда на меня накатывала такая апатия, что я хотела и вовсе прекратить всякое движение, остановиться, сесть и потребовать старшего, главного и возможно Бога... Но потом я вспоминала про тот пинок, что получила и от какового долго еще болел мой зад и понимала, что мое нежелание идти может окончиться для меня еще более болезненно и прескверно. А мне как говорится, хватало проблем с руками продолжающими болеть, из коих продолжала вытекать кровь, несмотря на те ленты, которыми я их крепко накрепко перебинтовала. Ленты за время моего пути полностью напитались кровью и водой. И теперь эта алая субстанция просачиваясь сквозь материю, стекала по моим рукам, улетаая вниз

на пол. И потом из этого бесконечного, томительного пути который уж я и не знаю, как долго продолжался, я вынесла главное – увы! но, оказывается, не наступает конец после смерти, не пропадаешь ты как духовная единица, не исчезаешь, не испаряешься, не распадаешься на молекулы, атомы. Ты – разум... душа... человек переходишь в какое-то иное состояние... иное... другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.